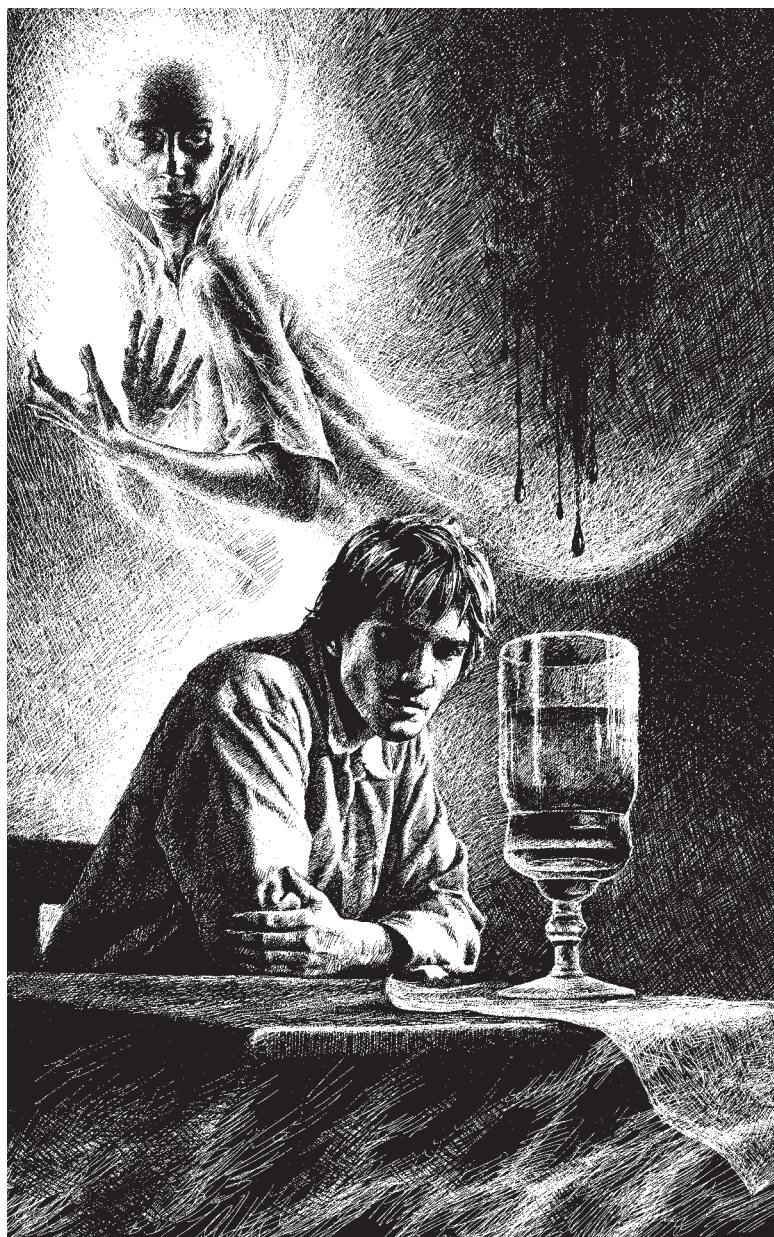


Игорь Мерцалов



**НОВЕЙШАЯ ОПТОГРАФИЯ И ПРИЗРАК УХОКУСАЙ
ЗА НЕСКОЛЬКО СТАКАНОВ КРОВИ**



Игорь Мерцалов



ЗА НЕСКОЛЬКО
СТАКАНОВ КРОВИ

Роман

Москва, 2014
АРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
М52

Художник
В. Федоров

Мерцалов И. В.

М52 За несколько стаканов крови: Фантастический роман. —
М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014. — 313 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1796-4

Молодой и голодный упырь может пойти на многое за несколько стаканов крови. Но достаточная ли это плата за погранные идеалы, за утраченную веру в закон и справедливость? Что в этом мире продается, а что нет, предстоит решить Персефонию, который подрядился помочь в беде бывшему бригадному командиру Тучко, вступившему в схватку с бандой «героев» гражданской войны. Но упырь даже не предполагал, что это приведет его к безумному путешествию по независимому графству Кохлунд, смертельной опасности и началу бродяжьей жизни.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1796-4

© Мерцалов И. В., 2014
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014

И почему, скажите, пришла вам в голову такая фантазия, будто вы поняли эту книгу? Не так-то просто ее понять, читая по-вашему.

Вы аллегории разгадали? Язык эзопов расшифровали?

Поулыбались над иносказаниями?

Ну, ежели, по-вашему, это и значит прочитать книгу, так ничего вы не поняли.

Н. В. Гигель

Часть первая **ОДНАЖДЫ НА ЦИВИЛИЗОВАННОМ ЗАПАДЕ**

Глава 1 **ХОРОШИЙ, ГОЛОДНЫЙ, ЗЛОЙ**

— Чего изволите, господин упырь? — прохладно осведомилась подавальщица.

Кабак был затянут дымом трубок и самокруток, и от голода мутилось в глазах, так что внушительная фигура подавальщицы казалась черной скалой, вынырнувшей из тумана прямо по курсу. Персефоний с трудом отвел взгляд от жилки на ее шее и ответил:

— Бифштекс с кровью. И вина.

— Вина нет, водка есть. Будете?

— Буду, — кивнул упырь.

— С кровью, значит? — неодобрительно переспросила подавальщица и растворилась в тумане.

Несколько минут спустя она появилась вновь и поставила перед упырем заказанное блюдо. Он сглотнул и спросил:

— Послушайте, разве вы не можете просто нацедить мне стакан крови?

Наверное, в его голосе против воли слишком явственно прозвучали просительные нотки.

— Лицензии не имеем, — отрезала подавальщица.

— Мало кто имеет, но во всех кабаках так делают.

— Ну и шли бы во все. Платите и ешьте, господин упырь, а то остынет.

Однако не успел тот приступить к еде, как над плечом склонился вышибала.

— Прощения просим, милостивый государь, — обдавая отнюдь не провоцирующим аппетит запахом изо рта, негромко произнес он. — Надеюсь, вам хватит того, что в тарелке? Потому как ежели не хватит, то в нашем заведении вам делать нечего.

— Не понимаю, о чем вы, — раздраженно бросил упырь.

От вышибалы пахло кровью второй группы. Вернее, пахло от него потом и чесноком, но обострившееся от голода чутье ясно подсказывало: вторая группа, резус-фактор положительный. В детстве болел ветрянкой, но это мелочь, на вкусе не сказывается...

Персефоний взял себя в руки. В рукаве вышибалы наверняка припрятан магический жезл, под завязку набитый запрещенными чарами, способными успокоить любого буяна, угрожающего репутации кабака. Успокоить или даже упокоить — в зависимости от степени буйства...

«О чем я думаю? — спохватился упырь. — Разве в жезле дело или в том, что вокруг полно народу? Просто — нельзя...»

— Не понимаете — объясню, — охотно ответил вышибала. — Мне не трудно, чай не в первый раз приходится объяснять. В последнее время ваша братия кровососущая зачастила по кабакам. Посидят, как вы, пожуют мясца сырого — тоже вот, как вы собираетесь (приятного, кстати, аппетита), а глазами в это время туда-сюда... опять же в точности, как вы. Высмотрят мужичка по пьянее или девку подступнее — и выходят с ними или вслед за ними. А потом загрызают где-нибудь по дороге. Так вот, нехорошо это.

— Уйди, дурак, — бросил Персефоний через плечо и впился зубами в мясо. Бифштекс — слабая замена живой крови, но все-таки поддерживает. — Никого я тут не высматриваю, и твои подозрения оскорбительны...

— Я за это всегда извиниться готов, — улыбнулся вышибала. — Только вы уж тогда, сделайте милость, не смотрите так пристально вон на того человека, ладушки?

Персефоний опустил глаза. Да, он уже и сам поймал себя на том, что рассматривает стремительно напивавшегося мещанина в мятом картузе и с длинным шарфом на шее. Но ведь это, черт возьми, еще ничего не значит! Разве есть закон, запрещающий смотреть по сторонам?

Персефоний выпил рюмку водки для лучшего усвоения и дождал бифштекс. В глазах прояснилось, и он с тоской посмотрел на предоставленный в его распоряжение штоф. Есть ли на свете более жалкое зрелище, чем пьяный упырь, он не знал, но чувствовал, что ему лучше напиться до бесчувствия. Голод скоро вернется, а этот мещанин, будь он неладен, вот-вот пропьет последний гривенник и пойдет, шатаясь, домой... Один пойдет, потому что друзей у него здесь нет. Пара пропойц поначалу крутилась около, но мещанину и в голову не пришло угостить их. Потом к нему присматривался карманный вор. В обычном состоянии Персефоний не заметил бы этого, но сегодня с ревливой болезненностью уловил посторонний взгляд, обшаривающий человека, на которого смотрел он сам. Вор глядел на мещанина с презрением. Без труда можно было проследить ход его мыслей: обобрать-то мужичка нетрудно, да овчинка выделки не стоит.

Итак, он пойдет один, и путь его будет неблизкий. Сразу видно, что напивается он редко и вдалеке от дома, чтобы не видели знакомые. Даже здесь он сидел, втянув голову в плечи, стараясь казаться еще незаметнее, чем был. Пьяный, один, на окраине города...

В поле зрения опять возник вышибала. Квадратное лицо его казалось равнодушным, но глаза опасно поблескивали, и Персефонию не нужно было гадать, что означало движение руки, которым вышибала отвел полу засаленной куртки. Означало оно, что свой магический жезл он носил не в рукаве, как сначала подумал упырь, а за поясом. Обычно так делают те, кто имеет право на ношение оружия.

Персефоний добродушно улыбнулся вышибале. Он намеревался встать и выйти. Можно сразу направиться куда-нибудь еще, можно просто постоять под звездами... но,

конечно, не для того, чтобы дожидаться мещанина в длинном шарфе, нет! Просто — постоять себе в уголке...

«Прочь! — прикрикнул на себя Персефоний. — Прочь от этого места, а то и до греха недалеко».

На миг он с предельной ясностью представил себе, что произойдет, если он поддастся соблазну. Община, конечно, попытается защитить его перед законом, но даже в случае удачи остаться в городе не позволит. Никто больше не подаст ему руки, никто не захочет встретиться с ним взглядом.

Отчуждение... Нет, пожалуй, само по себе оно не пугало Персефония. Он был сравнительно молодым упырем и не успел по-настоящему вжиться в общину. Уважал старших, но не был привязан к ним вековой привычкой. И отдавал себе отчет в том, что Закон для него ценнее общины как таковой. Наверное, в прежней, смертной, жизни ему крепко не хватало ощущения незыблемости окружающего мира.

Ужаснее самого изгнания было бы осознание того, что он оказался недостоин Закона, который избрал для себя, отказавшись от человеческого бытия.

И конечно, была еще Королева — душа общины, лидер, всегда прекрасная и желанная, мудрая и понимающая. Она — воплощение Закона. Упасть в ее глазах, потерять право на ее улыбку — вот что страшило.

Несколько глотков крови пьяного мещанина не стоили того.

— Прочь, — прошептал Персефоний и хотел уже встать, но тут к нему подсел человек.

На вид лет сорока, плечистый и мощный, с гладко выбритой головой и вислыми усами, в косоворотке и охотничьей куртке, он словно сошел с картинок, иллюстрирующих священную борьбу за суверенитет. Единственное отличие состояло в отсутствии патриотического экстаза в лице. Это же, кстати, отличало его и от всех, кто одевался в похожие наряды, следуя моде.

— Трудные времена настали, сынок? — спросил он.

Персефоний недоуменно смотрел на него, не зная, что ответить.

— Ну ладно, я здесь не для того, чтобы болтать попусту, — без перехода объявил его визави. — Мне одно нужно знать: ты голоден?

— Предположим, что так, — осторожно сказал Персефоний.

— Тогда предположим, что я хочу стать твоим коммерческим донором.

Персефоний вздрогнул. Он не знал, что ожидал услышать, но только не это.

Коммерческое донорство существует издавна, но юридически оформилось не более двухсот лет назад и далеко не во всех странах. Заключается оно в том, что разумное существо по собственной воле соглашается стать источником пищи в обмен на различные услуги.

То есть изначально-то предполагалась обычная купля-продажа, но смертные заламывали такие цены, что даже сами не спорили, когда упыри называли их кровопийцами. Так что на практике остались только услуги.

Цивилизованное общество изобрело много способов кормления упырей, но коммерческое донорство до сих пор считается (среди упырей, конечно) самым престижным.

Однако Персефоний не спешил радоваться. Смертные не платят кровью за то, что способны делать сами, и нанимают, как правило, только старых упырей, накопивших за века существования много сил и опыта. А кому может понадобиться упырь, у которого весь профессиональный опыт — полгода лаборантом в поликлинике на анализах крови? Что он может, кроме предварительной диагностики? Ни гипнозом лечить, ни чарам сопротивляться, ни...

— Ну что же ты молчишь, сынок? Чем предложение не хорошо?

— Во-первых, прошу вас, милостивый государь, не называть меня так, — ответил упырь. — Во-вторых, я не могу судить, хорошо предложение или плохо, поскольку еще не слышал его. Ни в чем противозаконном я участвовать не буду.

— Противозаконном? — удивленно переспросил его собеседник. — А что нынче можно назвать противозаконным — в стране, где закона не осталось?

— Закон есть всегда, — веско сказал Персефоний.

Про себя он подумал, что, кажется, верна промелькнувшая в его голове догадка: человеку нужен сообщник для какого-то преступного дела, причем сообщник, которым можно (а скорее, даже необходимо) пожертвовать.

Человек усмехнулся.

— Просишь не называть тебя сынком, а сам говоришь, будто младенец. Закон — это хозяин, который зависит от своих слуг. Если короля делает свита, то закон делают его исполнители. А я что-то ни разу не видел их за работой с того самого дня, как графство Кохлунд превратилось в независимое государство.

— Боюсь, наш разговор ни к чему не приведет, — сказал Персефоний, стараясь взглядом выразить то, что не позволил себе выразить тоном. — Даже если бы вы перестали мне «тыкать» и тем самым возбудили желание выслушать вас, мы едва ли придем к соглашению, ибо наши взгляды в корне разнятся. Я считаю, что закон самоценен. Я гражданин, и закон существует для меня — а стало быть, я сам и есть его первый исполнитель...

Человек нетерпеливо махнул рукой.

— Довольно, приятель, довольно! Философствования юнца — это то, что меньше всего способно мне помочь. Там, снаружи, караулят два типа. Они ждут меня, чтобы перерезать глотку. Войти за мной в кабак они не посмели: народу многовато, да и вышибала тутошний — тертый калач. Однако я не могу вечно сидеть здесь. Мне нужна помощь, чтобы выжить.

— То есть вы хотите, чтобы я убил этих двоих?

— На твое усмотрение, сынок. Мне важно остаться в живых, а каким путем — не имеет значения.

— Что вы им сделали? — помедлив, спросил Персефоний.

Человек насмешливо приподнял бровь.

— А тебе не все равно? Или, по-твоему, веская причина оправдывает самосуд? Любопытное толкование закона из уст молодого идеалиста.

— Нет, я не это имел в виду, — смутился Персефоний.

— Понимаю. Только мне без разницы, сынок, что ты обо мне думаешь. Но я предлагаю тебе сотрудничество — причем, по счастью, строго в рамках закона. Говори скорее: согласен или нет.

Персефоний помотал головой.

— Бросьте шутить, сударь, все это пустой разговор. Вам помощь нужна прямо сейчас, а договор мы не составим и не заверим раньше, чем выберемся отсюда. В суде это может быть истолковано каким угодно образом, вплоть до сговора с целью покушения на убийство ни в чем не повинных граждан.

Персефоний умолчал о том, что, скорее всего, отвязавшись от преследователей, его визави вообще забудет о всяких обещаниях. В независимом государстве обман и надувательство встречались на каждом шагу.

— Черт возьми, приятель, а просто так, без бумажки, ты не способен помочь человеку в беде?

— Почему же, способен, — пожал плечами Персефоний. — А здесь точно есть такой человек?

Его собеседник тяжело вздохнул.

— Да, и это я. Только вот не знаю, чем тебе доказать свои слова. Разве что выйти наружу и позволить прирезать себя — может, тогда ты согласишься?

Многие упыри прекрасно умеют отличать правду от лжи. Персефоний еще не умел. Во всяком случае, не умел делать это всегда без ошибок. Однако ему, вопреки первому впечатлению, начинало казаться, что человек, пожалуй, не обманывает... то есть — обманывает, конечно, но не в том, что отчаянно нуждается в помощи ради спасения жизни.

Пока Персефоний размышлял, его собеседник, устав от сомнений упыря, вдруг взял его рюмку, опростал ее на пол, поставил перед собой, а потом, вынув из-за пояса нож, полоснул себя по ладони. Тяжелые капли часто-часто застучали по дну рюмки. Вожделенный запах чуть не свел Персефония с ума.

— Клянусь своей пролитой кровью, что заключу с тобой договор при первой же возможности, — быстро заявил человек, морщась. Крови уже набежало с треть рюмки, но он

не останавливался, пока не наполнил ее наполовину. Потом, игнорируя недоуменные взгляды посетителей, замотал рану платком и, пододвинув рюмку упырю, сказал: — Угощайся. Можешь считать это авансом.

Персефоний сглотнул. Голод мучил его уже не первый день и даже не первую неделю. Чем только не приходилось перебиваться в последнее время! Чистая кровь стала казаться невозможным сном — но сон вдруг воплотился в реальности, а упырь страшился поверить в него...

И все-таки он опрокинул рюмку. На душе стало скверно: он чувствовал, что уже проданся человеку, независимо от того, что будет (если будет) сказано и занесено на бумагу в конторе нотариуса, проданся с потрохами. Но, с другой стороны, бросать отчаявшегося в беде нельзя, и, если впереди ждет драка, нужно подкрепить силы.

— Меня зовут Тучко. Тучко Хмурий Несмеянович. Главным образом я хочу знать, где сейчас эти двое, что следят за мной. Терпеливо ждут где-нибудь напротив входа, или разделились, или еще что-нибудь придумали... И не стало ли их больше. А дальше — по обстоятельствам.

Глава 2 НОЖ В НОЧИ

Персефоний вышел на свежий воздух и, якобы разминая затекшую шею, осмотрелся. Ночная улица была освещена всего двумя фонарями: один висел над входом в кабак, второй был установлен над перекрестком справа.

Под первым похрапывал трижды обобранный пьяница, под вторым жался к стене околоточный, не рискующий покинуть круг света.

Если верить освещенным участкам, жизни в городе почти не осталось. Но острые чувства упыря пронзали ночную тьму и обнаруживали в ней бурную деятельность разумных и неразумных существ.

В простенке между кабаком и разгромленной во время народных ликований табачной лавкой позвякивали пере-

считываемые монеты и сиплый голос вещал: «Кто на стреме стоял — тому четверть...»

По другую сторону, у складского забора, слышались то-ропливые тяжелые шаги, сосредоточенное сопение и пыхтение, порой — скрип досок и сдавленная ругань застрявших. Судя по звукам шагов, это были пять или шесть гномов, а судя по глухим шлепкам, раздававшимся после каждого преодоления дыры в заборе, они нагружали повозку рулонами ткани.

В кирпичном здании напротив под странно смотревшейся вывеской «Тихий приют!» играли в карты и курили заморскую дрянь. На углу две девицы пытались продать себя подгулявшему лешему. Чуть дальше два кота бранились из-за селедочных голов.

А за другим углом «Приюта» стоял человек, нервно наблюдавший за кабаком. Он был более вислоухий, нежели вислоусый, но в остальном очень походил на Хмурия Несмеяновича: та же необременительная прическа, та же одежда, и повадка почти та же, хотя и чувствовалось, что повадка его — отраженный свет, не более. В Тучко бродила стихия, а в этом что-то шакалье мерещилось, словно постоянная готовность к прыжку соединилась в нем с постоянной готовностью удирать без оглядки. Время от времени вислоухий трогал рукоять заткнутого за пояс двуствольного пистолета.

Персефоний вернулся в кабак и рассказал Хмурию Несмеяновичу об увиденном.

— Хомка! — узнал тот по описанию знакомое лицо. — И один, так? Отлично, мимо него мы пройдем.

— У него двуствольный пистолет.

— Вот как? Скверно... Ладно, посмотрим, что с другой стороны.

Он встал, они вместе направились к черному ходу. Хмурий остался внутри, упырь вышел наружу.

Здесь, за замусоренным двориком, тянулись грязные закоулки, в которых вяло шебаршились обыватели, еще не поверившие в то, что скатываются в нищету, но уже обреченные перебирать отбросы. В однообразный приглушенный шум сливались усталые шаги, звуки стирки, плач мла-

денца, шорох крыс, скрип колодезного ворота, постукивание сапожного молотка и прочая, и прочая.

Под навесом примыкавшего к кабаку деревянного сарая на колоде сидел человек — еще один слепок с Хмурия Несмеяновича, только вислыми у него были не усы и не уши, а уголки рта. Он выглядел совершенно спокойным, по Персефонию скользнул равнодушным взглядом и прикрыл глаза, словно собирался подремать. Но Персефоний не обманулся: конечно, этого человека насторожит поведение упыря, который только выйдет, рассмотрит его и вернется в кабак. Придумать же заранее убедительный повод для короткого моциона он не смекнул и решил действовать по наитию.

Подойдя к человеку, он сказал:

— Доброй ночи, сударь! Это ваш товарищ на той стороне стоит, подле девок?

— Ну, коли подле девок, то, наверное, мой, — усмехнулся человек, поднявшись на ноги и отступив, так что между ним и упырем оказалась колода для колки дров. — А тебе-то что?

— Да он просил вам передать, что видел еще одного вашего товарища, тот из кабака вышел с кем-то незнакомым.

— Вот как? И что дальше?

— Да ничего. Вот, меня попросили, я передал. Мне нетрудно.

— Он, значит, попросил, а ты передал — за спасибо?

— За спасибо и двугривенный, — улыбнулся упырь.

— Понятно. Ну, коли тебе и впрямь нетрудно, так ты и ему от меня словечко передай, ладно? — попросил человек и запустил руку под куртку. — Вот тебе еще монетка, пойд и скажи ему...

Не договорив, он резко выбросил руку, в которой оказалась не монетка, а нож, и молниеносным движением рассек Персефонию горло. Обычная сталь не могла бы сильно навредить, поскольку восстановление тканей у нежити протекает очень быстро, но сталь оказалась зачарованной. Кровь хлынула на землю потоком и не желала останавливаться.

Персефоний ринулся к противнику, но споткнулся о колоду и упал. Человек не упустил случая ударить его рукоятью в основание черепа, а потом, перехватив нож лезвием вниз, придавил упыря к земле коленом и замахнулся, чтобы пронзить сердце. Однако почему-то промедлил с ударом, и Персефоний, собрав стремительно убывающие силы, оттолкнулся от земли и сбросил его, а потом навалился, выкручивая руку с ножом. Несколько секунд длилась отчаянная борьба. От кровопотери уже мутило, а шея чудовищно болела. Персефоний сражался неумело, но яростно, он не выпустил руку неприятеля, даже когда тот опрокинул его на спину и навалился всем весом, приближая сталь к груди, даже когда в глазах потемнело...

Внезапно давление исчезло. Резко расслабившееся тело потеряло всякую чувствительность, однако Персефоний успел понять, что умирает. Конечно, ведь он не мог остановить кровь... Факт собственной смерти ошеломлял. Если бы Персефоний еще успел о чем-то подумать, то, наверное, пожалел бы, что все произошло так быстро... словно и смерть, и вся предшествовавшая жизнь были понарошку...

Потом пришло блаженство.

Блаженство было безумным, как смех среди снегов горной вершины, безбрежным, как океан... и очень вкусным.

Только где-то далеко стучался в сознание назойливый голос:

— Двигай ногами... здесь нельзя... знаю место...

Упырь терпеливо сносил помеху, и вскоре она исчезла — но и блаженство растворилось в боли, сперва сладкой, потом мучительно ноющей боли в шее.

Персефоний очнулся в незнакомом месте, в какой-то щели между массивным сундуком, из которого тянуло лежалым хламом, и бревенчатой стеной. На стене переливались краски заката. Смотреть на них было неприятно, но не более, а ведь прежде Персефоний едва выносил даже отблески зари в облаках.

Удивленный, он лежал несколько минут не шевелясь, наблюдая за радужными переливами, и только потом задался вопросом, где находится. Запахи (преимущественно

пыли) и шумы (производимые в основном насекомыми и мышами) не принадлежали ни одному из известных ему жилищ. Больше того, незнакомым было и самочувствие. Никогда еще Персефоний не ощущал себя таким бодрым и полным сил.

Закат угас, и он уже собирался встать и осмотреться, как услышал скрип двери. В дом вошел человек. Персефоний вздрогнул: он узнал звук шагов и дыхания Хмурия Несмеяновича Тучко. Вспомнив этого человека, упырь вспомнил и все обстоятельства их знакомства, и короткую схватку на заднем дворе кабака, которая вроде бы кончилась для него весьма печально.

Существовало только одно объяснение тому, что, получив смертельную рану, упырь так хорошо себя чувствовал всего на... он сосредоточился и безошибочно определил: всего на вторые сутки. И это объяснение пугало.

Персефоний поднялся на ноги. Сундук, закрывавший его от солнечных лучей, которые вливались в пыльное помещение через широкие щели в ставнях, оказался единственным предметом мебелировки явно заброшенного дома.

Тучко вошел и улыбнулся упырю:

— Встал уже? Горло не болит?

Персефоний промолчал. Он не знал, как себя вести и какими глазами смотреть на человека, из-за которого он стал преступником. Пусть невольно — ведь в тот миг он уже не отдавал себе отчета в своих действиях, они даже не сохранились в памяти, что легко докажет любой мало-мальски владеющий ментальными чарами следователь, — но он не только ответил ударом на удар.

Он убил. И пил кровь жертвы.

Тучко вынул из-под полы сверток, положил на крышку сундука и развернул. Внутри оказалась кое-какая человеческая снедь: хлеб, сало, луковица. Усевшись на краю, он взялся за еду.

— Тебе не предлагаю, — сообщил он. — Ты, думаю, и так на неделю вперед сыт. А что такой невеселый? Плохо выпался? Дневные кошмары мучили?

— Не смейте издеваться надо мной! — вспылil Персефоний неожиданно надломившимся голосом, как студент,

оскорбленный подозрениями товарищей в отсутствии во-льнодумства.

— А что такое? — удивился Тучко, продолжая жевать.

— Дневные кошмары? О нет, я спал прекрасно! Я еще никогда не спал так хорошо! Разумеется — после такой обильной трапезы...

Хмурий Несмеянович перестал жевать. Во взгляде, устремленном на Персефония, смешались осторожная ве-селость и жалость, с какими смотрят на выкрутасы пьяно-го или сумасшедшего.

— Это тебя злит?

— Меня злите вы, милостивый государь, и весьма успешно! — закричал Персефоний, надвигаясь на него. — Не смейте делать вид, будто ничего не понимаете! Я ради вас убил. Опустошил человека, чтобы залечить свои раны. Я теперь — преступник. Кошмары, говорите? Они еще бу-дут — потом. Когда жизнь в изгнании, если мне суждена хотя бы она, сведет меня с ума. И все это — за несколько капель крови.

Тучко, нахмурившись, отложил еду.

— Тяжелый случай, — вздохнул он. — Вообще-то я по-лагал, что нанимаю тебя, малыш, за плату чуть большую, чем несколько капель крови, но теперь это, пожалуй, не имеет значения...

— Не имеет! — не дослушав, заявил Персефоний. — Вы покинули кабак живым и нашли себе убежище, я получил то, что хотел, — кровь. Думаю, мы в расчете.

— Угу, — кивнул Тучко, что-то обдумывая. — Пожалуй, так даже лучше. Знаешь, а ведь там, в кабаке, я крепко ошибся в тебе — никогда еще ни в ком так не ошибался. Но это и хорошо. Вот что, малыш. Ты совершенно прав, мы в расчете... почти. Ведь ты не станешь отрицать, что, оказы-вая мне услугу, получил плату большую, чем ожидал? Так вот, взамен я прошу тебя: этой же ночью отыщи и приведи или просто направь сюда самого матерого упыря, какой попадется.

— Ради новых преступлений?

— Ради моего спасения, малыш. Но ты об этом не ду-

май. Ты мне должен услугу, я ее назвал. Это честный уговор — иди и выполни его.

— Я сделаю это, — решил Персефоний и направился к двери. — Надеюсь, больше мы не увидимся, милостивый государь.

Глава 3 ВОСПОМИНАНИЯ В ТАБАЧНОМ ДЫМУ

Он ушел, и Хмурий Несмеянович опять взялся за еду, но аппетита уже не было. Отодвинув сверток, он снял куртку, подложил под голову и растянулся на сундуке, глядя в занавеси паутины, свисавшей с потолка.

Паутина была сухая и колыхалась от малейшего дуновения. Хмурий Несмеянович криво усмехнулся, подумав, что это очень похоже на его жизнь: любое движение воздуха — и он уже срывается с места, мечется... но, куда бы ни забросила судьба, в сущности, остается на прежнем месте.

Он свернул самокрутку и закурил ее, всматриваясь в завитки дыма, причудливо извивающиеся в теплом воздухе светлой июньской ночи.

Да, давно он так не ошибался, как в этом упыре...

Хмурий Несмеянович полагал, что по-настоящему ошибся только один раз в жизни — но уж зато так ошибся, что на всю жизнь хватило, и выхода не предвидится. Но если уж быть до конца честным с собой, в тот раз он ошибся добровольно и с большой охотой. При других обстоятельствах он бы до сих пор не называл тот выбор ошибкой. Однако обстоятельства сложились именно так, как сложились. В день, когда объявили перемирие, он вернулся домой и нашел у своей жены человека, из-за которого...

Хмурий Несмеянович заставил себя выбросить воспоминания из головы, однако лицо имперского солдата все стояло перед внутренним взором. Молодой, смертельно бледный, с такими ясными глазами... Кстати, этот упырек на него похож — наверное, таким же был при жизни. Может, родственник? Да нет, вряд ли. Тот — типичный ува-

лень из имперской глубинки, а в этом что-то восточное есть. Что общего между ними — так это прямой взгляд и упрямство в каждом слове, даже когда речь идет о жизни и смерти... Точнее — конкретно о смерти.

Как упырек пил кровь там, в кабаке! Лучший актер его императорского высочества Малого Староградского театра не отыграет сцену испития яда с таким искренним пафосом возвышенного гнева. Этого бы упырька, с его лицом, года два назад — да на Третье или Четвертое вече...

Хмурий Несмеянович был на всех вечах.

На Первом, добившемся особого положения Накручины в рамках империи, хотелось плакать и смеяться от восторга. Особое положение означало известную независимость, в первую очередь — финансовую, а также, что было весьма важно в глазах обывателя, церемониальную, то есть во внешних атрибутах политики. Теперь вместо князя-наместника Накручиной должен был править гетман, избираемый парламентским голосованием.

Эту должность занял лидер сепаратистского движения Викторин Победун. Его верные соратники госпожа Дульсиня Тибетская и господин Перебегаило избрались на посты вип-атамана и пана товарища, которыми были заменены должности казначея и первого секретаря соответственно.

На Втором вече хотелось плакать и смеяться от гордости. То был решительный ответ Накручины на злобные притязания империи вроде отчислений в имперский бюджет и уравнивания торговых и проездных пошлин. «Это наша земля! — звучало тогда. — Доколе? — вопрошали с трибун. — Больше уж нас не ограбишь! — ликовал народ. — Это наши деньги! — гремело повсюду и раскатывалось эхом: — Наше! Наше! Мое!»

На Третьем и Четвертом вечах тоже хотелось плакать... или смеяться — некоторые и правда смеялись. Сквозь слезы. Сквозь гнев и обиду. Совсем уж немногие смеялись над собой, осознав, какими были глупцами с самого начала.

На Третьем вече внезапно выяснилось, что великим накручинским народом, которому никто не указ, управляют

лицемеры, популисты, демагоги и вообще безответственные личности. Разумеется, лидеры говорили это не про себя, а про своих вчерашних товарищей. Каждый обратился к народу с предложением бойкотировать чиновников, назначенных его (ее) оппонентами, и игнорировать введенные оппонентами указы, установления, положения и особенно налоги.

Предполагалось, что теперь-то станет ясно, кто именно в ответе за то, что с начала суверенитета мосты и дороги не ремонтируются, зерно отправляется не на мельницы, а в алхимические лаборатории, магические фонари на улицах накручинских городов гаснут один за другим и что все мануфактуры и артели вдруг оказались проданы или заложены иностранцам.

Но если что-то и становилось ясно, так только одно: никто уже никогда ни за что не ответит.

Вечевать под августовским солнцем, с регулярным подвозом бесплатного питания и горячительных напитков, конечно, сплошное удовольствие, но Третье затянулось аж до середины ноября. Народ дрожал в розовых палатках, питаясь покупными сухарями, однако по домам не спешил: нужно же было узнать, чем все закончится!

Каждый день приносил новые разоблачения и сенсации, а под занавес гражданам пощекотали нервы невиданным диковатым действием под названием «всенародные перевыборы», которые примирили самых яростных противников. Перебегайло и Дульсиня Тибетская поменялись должностями и пожали друг другу руки. Первый признал, что погорячился, назвав уважаемую оппонентку воровкой, а та согласилась, что если Перебегайло и запродаст что-то имперцам, то, во всяком случае, не суверенитет. Правда, была в их примирении какая-то неубедительная нотка, объяснявшаяся, вероятно, тем, что, несмотря на все старания, Победун как был, так и остался гетманом.

Закончился наконец надоевший ноябрь, незаметно пролетел декабрь, миновали праздники, которые даже не отпраздновали толком (сил после веча не оставалось ни моральных, ни физических), проволоклись и испарились январь с февралем. Подступила весна. Покой приелся,

вернулся интерес к жизни, а тут и вечевики подлечили застуженные по осени внутренние органы и стали задавать вопросы наподобие «доколе» и «когда уже».

Особенно не находили себе места те, кому минувшее вече запало в душу. Не итогами своими (какие там итоги, если честно!), а атмосферой — иные натурально заразились ей. Они могли принадлежать к разным лагерям и придерживаться разных воззрений, но их объединяла неколебимая вера, что еще бы чуть-чуть — и уже в прошлый раз виноватые действительно были бы наказаны, а достойные вознаграждены, и вернулись бы деньги, и наступил бы расцвет... Все бы свершилось — не достало только одного словечка, одного движения, одного усилия.

Никто не ждал так быстро нового вече, но эти разумные стекались в стольный Старгород со всех концов Накручины, словно почувствовали его в воздухе, земле и воде, в щебете птиц, возвращающихся из теплых краев. Впрочем, даже эти, заболевшие, не могли бы сказать, зачем едут — они просто прибыли и расползлись по постоянным дворам в ожидании чего-то важного... судьбоносного.

Мало у кого из них были деньги, они собирались в самых дешевых корчмах, пили пиво и сушили сухари. Объявление о готовящемся вече приняли как должное.

А дня за три-четыре до начала рокового Четвертого рядом с ними в корчмах стали появляться разумные с незапоминающейся внешностью, которые всем задавали разные вопросы, сводившиеся к одному: «Готов ли ты пострадать за родную Накручину?»

Для каждого согласившегося пострадать у разумных с незапоминающейся внешностью были подписанные госпожой Дульсинеей свидетельства мучеников независимости. Пострадать предлагалось организовано, под чутким руководством опытных командиров. В светлом будущем гарантировалось отпущение грехов, в суровом настоящем — хорошее маготехническое оснащение.

Особенно бдительно разумные с незапоминающейся внешностью рекомендовали следить за происками врагов. Различные ренегаты, говорили они, получают имперские деньги; среди нас, прибавляли они, бродят орды шпионов,

агентов, диверсантов и саботеров, которые постараются сорвать вече.

И потом, когда мнения во вновь воздвигшемся городке розовых палаток разделились, не осталось сомнений, что это дело рук саботеров, которые коварно разлагали народ прямо тут, на священном для каждого патриота мероприятии.

...Хмурий Несмеянович загасил обжегшую пальцы самокрутку и закурил новую. Он не помнил лица первого саботера, которого схватил своими руками. Вроде бы тот был рожим. Тучко этот провал в памяти раздражал. Понятно, почему стерлись лица остальных: их было много. Но первого он должен был запомнить... Впрочем, последующие дни вообще слились во что-то весьма неразборчивое. Лучше всего Хмурий Несмеянович помнил сумерки, опустившиеся на древний Старгород, — сумерки были красными и пахли гарью, в них алым отблескивали покатые крыши и золотые купола.

Сейчас даже интересно стало: сумел бы что-то изменить такой юнец с горящим взором, как упырек по имени Персефоний, в те роковые дни? На Четвертом — нет, конечно, его бы никто не заметил, потому что и у всех глаза горели. Но вот на Третьем — ах, жаль, не нашлось на Третьем вече того, кто вот с таким же лицом взлетел бы на трибуну и закричал: «Хватит этого скоморошества! У нас есть Закон — если не нравится, меняйте его, но не топчите, не насмехайтесь над ним, не превращайте его в посмешище!»

Самого Хмурия Несмеяновича когда-то остановил именно такой взгляд... Впрочем, в глубине души он, конечно, знал: ничего бы не изменилось, случись его фантазия на самом деле. В смене вечей была своя закономерность, своя неизбежность, и все, что на них происходило, было лишено воздействия случайностей и неожиданностей — как весна не может не сменить зиму, как спад не может не уступить место новой волне.

Волны, волны захлестывали страну. Алые сумерки. Войска. Баррикада. Потом лес. Партизанщина. Холод, голод, и все время нужно идти, бежать, шагать и бежать или

таиться — и снова бежать. Стычки разного масштаба, марш-броски. Споры у костров.

Потом Пятое вече — Лесное. Очень вовремя: уже и до самых упертых стало доходить, что вся эта герильясовщина не только ничем хорошим — вообще ничем закончиться не может. И вдруг: всеобщий сбор, Вече, а там — единым фронтом, с нами Бог, и кое-кто нам помогает. Вozy с заграничным оружием и обмундированием, провиантом и фуражом. И — новая волна до самого Шестого вечера, которое могло бы стать зеркальным повторением шутовского Третьего, да только не перед кем было ломать комедию: лесные братья стали толстокожи, замотанный бинтами Победун с лицом, вроде как опаленным огнем сражений, и бледная Дульсинья с тесаком, сделанным из лезвия косы, их уже не трогали, равно как и прожекты грядущего благоденствия.

И тут, поразительно вовремя, Перебегайло, не слушая возобновившихся за его спиной шепотков о ренегатстве, заявил, что готов обеспечить перемирие. Бойцы за суверенитет оживились. В мгновение ока все три лидера вновь оказались на гребне волны.

Волны, волны, взлеты и падения...

Хмурий Несмеянович прошел их все.

Ошибка? Да будет вам, господа, неужели вы верите, будто он не знал, во что ввязывается? Ну-ка, посмотрите внимательнее на Хмурия Несмеяновича — разве хоть в чем-то он похож на невинную овечку, разве есть в нем что-нибудь от наивного ребенка? Если он и глуп, то не как баран, если склонен верить, то не как дитя.

Все он понимал. И когда «ура» кричал со всеми, и когда плакал, наблюдая, как перессорившиеся лидеры называют друг друга продажным гадом и воровкой на доверии, и когда слушал человека с незапоминающимся лицом...

Почему он при этом оставался верным адептом независимости? Как ни тяжок труд крестьянина, он благодатен, а в семье Тучко все были крепкими хозяевами. Отчего было не жить, как прежде жилось?

Может, и жил бы. Да угораздило их с братом закрутиться в вешевом вихре. И пошли-то в первый раз так, интереса

ради... Но запало в душу неведомое доселе чувство сопричастности чему-то великому, необъятному, судьбоносному. Нет, не так. Если уж до конца откровенно, легкость их подкупила. Ведь ни поле не вспахали, ни гвоздя не забили, да что там, даже до трибуны не добрались (хотя в какой-то миг очень захотелось) — а мир перевернули! Казалось, во всяком случае, именно так...

И даже странно стало, как он прежде без всего этого обходился. Что такое крестьянин? Хоть сто раз хорош будь — но чем ты отличаешься от любого другого толкового крестьянина в империи, да и во всем мире? А тут вдруг выясняется, что ты как раз-таки лучше всех: и древнее, и мудрее, и храбрее, и никто с тобой сравниться не может, ни один другой народ, а уж имперское быдло подавно.

Разумеется, во всем этом Хмурий Несмеянович признался себе далеко не сразу. Прежде довольствовался другим объяснением, в котором, надо сказать, тоже была немалая доля истины. Он как будто предчувствовал будущее и догадывался: все равно никуда не деться.

Давно уже бродила в народе какая-то смутная энергия, во что-то она должна была вылиться. Энергия, недостаточная для свершения, для подъема, скорее сходная с энергией, скапливающейся в готовой рухнуть лавине. Первыми ею воспользовались организаторы мерзкого фарса — что ж, им она и подчинилась, и уже нельзя было остановить волну.

Волны, волны... Нет, Гучко недолго оставался в плену демагогии, дураком-то не был. Он просто хотел удержаться на гребне волны — и ему это, надо сказать, неплохо удавалось. Вплоть до тех пор, пока загадочное перемирие не поставило точку в войне за суверенитет.

Потрепанная армия освобождения в то время окопалась в графстве Кохлунд на самом западе Накручины. Древний город Лионеберге превратился в последний оплот герильясов, и уже с окраины его хорошо слышна была канонада, а однажды неизвестно кем запущенный и сбившийся с курса феникс, рассыпая искры, с воем пронесся над самой Гульбинкой и дотла спалил целый квар-

тал, вызвав бурю возмущения кровавой акцией имперских войск, способных стрелять по мирному населению.

Город бурлил. Кто-то торопливо записывался в какие-то дружины, кто-то закупал продукты, многие что-то продавали, почти все говорили друг другу: «Ничего-ничего, теперь-то упремся — и погоним их до океана!» — однако некоторых уже не удавалось обнаружить на привычных местах, и вообще, чувствовалось, что намечается ощутимый отток населения.

И вдруг выяснилось, что тревоги напрасны: по условиям перемирия, территория, занятая на тот момент сепаратистами, получила суверенный статус. Гетман не замедлил объявить это крупной победой национально-освободительного движения, госпожа Дульсинея добавила, что на империю по ее личной просьбе надавил Запад, а господин Перебегайло присовокупил загадочное: «Я обо всем договорился».

Он сильно приободрился в те дни и всюду клялся, что пожертвует личные средства на установление связи с ячейками сопротивления, которые, несомненно, существуют за границами графства. Налаживать контакты лично ему, правда, никто не позволил, но идею освобождения накручинского народа от имперского гнета на вооружение взяли (как и предложенные деньги).

Правда, ходили слухи... Впрочем, это и слухами-то назвать нельзя — так, обмолвки какие-то, черт-те какие догадки, проскакивающие посреди разговоров... В общем, складывалось впечатление, будто там, за пределами графства, измотанный свалившейся на него войной накручинский народ хором сказал: убирайтесь. Вот, мол, вам клочок земли, держите, делайте что хотите, только обратно не суйтесь...

Но трудно было этому поверить во взбудораженном Кохлунде, где только и разговору было, что об имперском гнете да суверенитете, где Викторин Победун, ловко оседлавши волну, провозгласил себя, чтоб два раза не избираться, вице-королем всея Накручины и деятельно принялся формировать будущее «истинно народное правительство».

Что же Тучко? Ему было плевать на слухи и домыслы, да и на здравый смысл заодно. Ему, отнюдь не безмозглому, было уже совсем не весело в герильях, однако он был уверен, что никуда не денется от военного ремесла, к которому обнаружил немалый талант. Был уверен до тех самых пор, пока не навестил родную деревеньку и не нашел в своей хате раненого имперского корнетика... пока в его душу не проник взор пылающий, на который так похож взор этого бестолкового упырька... Пока...

Вторая самокрутка дотлела до пальцев. Хмурий Несмеянович вздрогнул, вырвавшись из дремы, в которой его качали волны памяти, загасил тлеющий окурок и уже хотел, устроившись поудобнее на крышке сундука, заснуть, как вдруг его внимание привлекли посторонние звуки. Тучко напрягся, мигом перейдя от дремоты к бодрствованию. В заброшенном доме был кто-то, кроме него. Он бесшумно встал и, приподняв крышку, запустил руку в сундук. У самого края под тряпьем пальцы его нашарили и уверенно обхватили гладко обструганное дерево...

Глава 4 СХВАТКА В ЗАБРОШЕННОМ ДОМЕ

Убежище Хмурия Несмеяновича располагалось в предместье. Выйдя на горбатую улочку, Персефоний огляделся. Справа и слева за разномастными заборами теснились дома, соединенные навесами с клетями и сараями; на задах тянулись огороды.

Персефоний зашагал вверх по улице и вскоре убедился, что выбрал верное направление: впереди над крышами показались городские башни.

Персефоний шел медленно. Глупо спешить: его остановит первый же полицейский патруль. Есть такие умельцы, которые обходятся даже без классического «а ну-ка, дыхни», по глазам все видят. «На каком таком законном основании пили кровь, господин упырь? Предъявите-ка».

А предъявлять нечего. Может, Тучко и собирался без

обмана заключить соглашение о коммерческом донорстве, теперь уже не проверить. Можно, конечно, сказать, что был устный договор — может, Хмурий Несмеянович и подтвердит его слова... это хотя бы отчасти смягчит вину: убийство при исполнении обязанностей могут признать необходимой самообороной. Тем более что Персефоний действовал неумышленно.

«Однако как это нелепо звучит: «смягчить вину», — подумал вдруг Персефоний с невеселой усмешкой. — Обстоятельства могут смягчить наказание, но не вину как таковую. Лишь бы Королева не отвернулась от меня. Пусть проверит мою память и убедится, что я не собирался убивать, и тогда уж ее заступничество в суде обеспечено...»

Мысли подобного рода были непривычны и отвратительны, от них несло гнильцой. Гадко было думать о Королеве как об инструменте спасения. Да и можно ли назвать спасением бегство от закона? Персефоний провинился и обязан понести наказание — так предписывает закон, и так должно быть. Пусть только наказание будет справедливым — а кто об этом позаботится лучше Королевы?

«Так вперед же, — сказал себе молодой упырь. — Незачем тянуть ожидание».

Верхний конец улицы выходил на площадь с постоянным двором, кабаком и лавками — одна из них была открыта, и вообще было довольно шумно. Мимо Персефония прошла четверка подвыпивших разумных: два человека, взлохмаченный упырь и сухошавый леший, все время нервно подергивавший локтями, отчего походил на курицу. С первого взгляда видно, что не местные. Понятное дело: работягам, которые обеспечивают город свежими овощами и молоком, не до полуночных шатаний.

Персефоний сделал еще несколько шагов, прежде чем осознал то, что увидел краем глаза: один из людей был тем самым, который караулил Хмурия Несмеяновича, стоя подле «Тихого приюта!». Вислоухий. Хомка, как назвал его Тучко. Хомутий, стало быть. Персефоний остановился и посмотрел им вслед, но тут же отвел глаза: упырь в их компании почувствовал взгляд и оглянулся. Упырь был, по об-

щим меркам, молод — лет сто от силы, но Персефония он явно превосходил во всем. Пришлось сделать вид, будто он просто осматривается.

Вот незадача... Как бы ни сердился Персефоний на Тучко, смерти ему он не желал. Однако что теперь можно сделать? Звать на помощь некого, а самому соваться глупо: судя по всему, любой из этих охотников за головой Хмурия Несмеяновича мог справиться с ним. Достаточно вспомнить стычку с тем типом на заднем дворе кабака. Смертный-то он смертный, но, если честно, у Персефония не было против него ни единого шанса.

Молодой упырь замер. Простая истина вдруг открылась ему, и он понял, что свалил дурака. Даже странно было, как он не сообразил с самого начала: каким образом мог он убить того человека, если сам уже умирал? Да ведь это Тучко, воспользовавшись моментом, убил противника! И напоил Персефония его кровью. Это был противозаконный поступок, но, только получив вдоволь пищи, тело упыря смогло справиться со смертельными ранами. Тучко спас ему жизнь. А потом, видя, что молодой упырь так ничего и не понял, не стал попрекать, просто выставил вон — прогнал из всей этой скверной истории, попросив напоследок прислать вместо себя кого-нибудь поумнее.

Персефоний вновь оглянулся на четверых, шедших убивать Хмурия. Пусть у него нет шансов, это не имеет значения. Он должен был умереть прошлой ночью, и теперь уже живет в долг. А долги надо платить.

Он свернул налево, проулком вдоль постоянного двора, и огородами помчался назад, к заброшенному дому, перепрыгивая через грядки и заборы.

Внезапно перед ним вырос огромный силуэт — существо раза в полтора выше упыря с поднятой для удара рукой. Персефоний не успел ни разглядеть его, ни увернуться, он просто врезался в противника, опрокинул и обрушил на голову кулак... Удар прошел до самой земли, и только тут упырь сообразил, что под ним никого нет. То есть никого живого. Раскроенная кулаком голова оказалась пустой

тыквой, а раскинутые руки — жердями. Персефоний победил пугало.

Неподалеку сонно рыкнул пес. Молодой упырь стиснул зубы и побежал дальше. Пес, проснувшись и загремев цепью, выбрался ему вслед, но не слишком злобно: чувствовал, что нарушитель уже достаточно напуган и убегает без оглядки.

Вычислить нужный дом оказалось нелегко. Миновав три или четыре участка, Персефоний остановился. Предместье погрузилось в сон, повсюду царили тишь и покой. Пришлось напрячь слух, чтобы вычленить из звуков ночи сонное дыхание обывателей, кошачью поступь, вздохи скотины в сараях...

Следующий дом определенно был пустым. Персефоний собрался перемахнуть последний забор, как вдруг уловил впереди осторожное движение. На заднем дворе заброшенного дома кто-то был.

Никто из тех четверых, если только они по-прежнему двигались шагом, не мог успеть сюда раньше него. Персефоний скользнул за малинник и там сиганул через забор, после чего стал подкрадываться к дому. Несмотря на молодость, некоторыми из упырских умений он владел — например, способен был передвигаться совершенно беззвучно.

Наконец он разглядел в тени сарая приземистую фигуру в широкополой шляпе и с бородой. Персефоний с трудом поверил собственным глазам. Гном-то что здесь делает? Впрочем, некогда рассуждать. Он напрягся, собираясь прыгнуть на гнома, как вдруг тот опять шевельнулся и тихо прошептал с заметным закордонским акцентом:

— Ты увьерен? А если он по улица побьэжит?

— Малтши, турень! — послышалось в ответ с сильным забугорским акцентом. — Доннерветтер, с тапой только ф сасате и ситеть!

Персефоний вздрогнул, поняв, что чуть было не наступил на еще одного участника засады, которым оказался забугорский эльф. Эльфы не знают себе равных в маскировке, и этот, залегший под кустом крыжовника с метательными ножами наготове, совершенно сливался с землей.

Если бы не словоохотливый гном, Персефонию уже пришел бы конец.

Однако пестрая же компания ополчилась против Тучко!

— Сам ты дурень! — вскипел гном. — Если его схватят врасп्लух, убьют сразу, а если нет — он побьёжит по улица, и будут наши денежки плакать!

— Некута ему пешать по улица! — возразил эльф. — Кто скривайся — пекай ф окорот. На улица люпой турак поймать! А ти орьошь, как нетаресанный сфин...

— Пуркуа это я свин? — взвился гном, приподняв секиру, которую держал в руках.

— Та потому, што все у тепа по-сфински! Кто сорфаль сасада в Тшьерний лес сфоей отришкой? Кто пропиль наши дфенатцать талероф? А ис-са кафо ми састряль в этот шутофской страна...

Тут эльф осекся.

Гном хмуρο поинтересовался:

— А ти откуда знаешь, что двенадцать? У меня двадцать било... Так вот кто восемь тальеров украл!

— Я их спасайт от тфой ненаситни клотка!

— Ах ти криса...

— Не патхати!

Эльф отшатнулся прямо к Персефонию — тому пришлось упасть на землю за крыжовником и замереть. Впрочем, гном и эльф, хотя и продолжали машинально общаться шепотом, уже ничего вокруг не замечали. Первый наступал, поигрывая секирой и припоминая все новые случаи исчезновения общего имущества, второй отступал, угрожающе приподняв ножи и перечисляя примеры исключительного разгильдяйства собеседника, из-за которого они застряли в «этот шутофской крафство».

Персефоний дождался, пока они удалятся на несколько шагов, после чего скользнул к двери под навесом, протянувшимся между бывшим коровником и овином. Дверь была закрыта, и упырь, оглянувшись на спорщиков, стремительно вскарабкался на крышу, оттуда спрыгнул во внутренний двор и дернул ручку черного хода. Эта дверь оказалась открытой. Персефоний нырнул в пыльный мрак и очутился среди кладовых. Все они пустовали, и дверцы у

них были выломаны. Вглубь дома вел узкий замусоренный коридор. Персефоний бросился по нему, крича:

— Хмурий Несмеянович, тревога!

Однако его предупреждение запоздало — в тот же миг коридор осветился отблеском ослепительной вспышки, раздался чей-то крик. Тотчас грянул выстрел и послышались звуки борьбы.

Все же нападавшим не удалось застать Тучко «врасплох», как выразился гном. Персефоний ринулся вперед. Поворот коридора вывел его к двум большим комнатам, которые, по-видимому, служили хозяевам спальнями. Та, что слева, была завалена обломками мебели, в другой шла яростная борьба.

Один из людей лежал на пороге, второй — Хомутий — и леший с безумными глазами повисли на плечах Тучко, который пытался выдрать из рук противника пистолет. Один из стволов дымился, во втором еще оставался заряд. Положение Хмурия Несмеяновича было незавидным: леший зашел к нему сзади и, захватив шею в тиски локтевого сгиба, медленно, но верно выворачивал ему голову.

У стены под окном валялся магический посох армейского образца.

Упыря не было видно.

Прежде чем Персефоний успел сообразить, что можно предпринять, Тучко выпустил одну руку Хомутия, нашарил за поясом нож и, не глядя, всадил в бедро лешему. Тот взвыл и ослабил захват. Тучко вырвался, но вислоухий Хомутий освободил руку с пистолетом. Отскочив на шаг, он поднял оружие и взвел курок, целясь в живот.

Персефоний метнулся вперед, чтобы закрыть Хмурия Несмеяновича собой. Едва ли пуля зачарована, он слышал, что на пули и стрелы очень редко накладывают чары, потому что это обходится слишком дорого. У него получилось не только заслонить Тучко, но и сбить его с ног. Выстрел ударил по лицу пороховыми газами, пуля врезалась в ребра чуть левее сердца. Рана была болезненной, но для упыря не слишком опасной. Персефоний бросился на Хомутия прежде, чем тот рассмотрел нового противника

сквозь заволокнувшее комнату облако дыма, отбросил к стене и обрушил на него град ударов.

Хомутий оказался послабее своего напарника, с которым поджидал Тучко прошлой ночью, сразу обмяк. Но Персефоний в запале нанес еще несколько ударов, лишь потом сообразив, что понятия не имеет, как развиваются события у него за спиной. Оставив Хомутия, он обернулся.

Леший, выдернув застрявший в бедре нож, с хриплым воплем кинулся на Хмурия Несмеяновича, однако тот, не вставая с пола, перекатился к окну и, схватив посох, направил его наверх на противника.

— Хватит, Ляс! — крикнул он. — Лучше уйди.

— Некуда идти, Хмур! — прохрипел названный Лясом лешак, медленно приближаясь. — Сам должен понимать. Я только за тобой всегда шел.

— Уйди, Ляс! Пойми ты, все кончено!

— А лес-то все горит, — шепнул ему Ляс и замахнулся ножом.

Персефоний ждал, что сейчас с наверх посоха сорвется еще одна вспышка, но Хмурий почему-то не стал убивать лешего. Вместо этого он ловко ударил Ляса ногой под колено, а когда тот упал, оглушил нижним концом посоха.

Подобрав нож, Тучко медленно встал и хмуро посмотрел на Персефонию, держа посох наготове. Молодой упырь не сразу сообразил, что человек с трудом различает его в темноте, и сказал:

— Это я.

— Да уж понял, — ответил Тучко. — Вернулся, значит.

— За мной долг... — начал было говорить Персефоний и вдруг вспомнил: — Еще один должен быть!

И, едва он это сказал, его шея оказалась в жестком захвате.

— Вот оно что, — пропел над ухом высокий голос упыря. — Значит, это про тебя Жмурка сказать пытался? Ну-ну, малыш, в наглости тебе не откажешь. Ничего, мы с тобой еще побеседуем об уважении к старшим, а пока у меня разговор к твоему нанимателю. Поздорову тебе,

Хмур! Что ж ты так со Жмуром неласково обошелся? Он ведь тебе вроде как не чужой...

— Кончай трепаться, Торкес, — поморщился Хмурий Несмеянович, целя посохом в голову упыря. — Если хочешь что сказать — говори, а нет — хватит прикрываться салагой, выходи, померимся силой. Как в старые добрые времена.

— Не, не пойдет, — усмехнулся Торкес. — Для начала посох в окно выбрось. А не то я твоему приятелю дурную головушку-то отверну.

— А с чего ты взял, что он мне приятель? Смерти ему я не хочу, но если придется — спалю обоих. У меня тут как раз на вашу братию заклинание припасено.

— Ох, и грозен ты, бригадир! — шутовски восхитился Торкес. — Жмура пожалел, Ляса пожалел, а тебя, гадкий Торкес, не пожалею, пришибу, как комарика, и мальчонку с тобой не помилую. Чего тянешь-то? Шмаляй!

Однако Хмурий Несмеянович, как, видимо, и ожидалось, ничего не предпринял, он просто стоял, держа в правой руке нацеленный на упырей посох, а в левой — нож.

— Ладно, бригадир, вижу, ты не расположен к разговорам. Поболтаем в другой раз. А сейчас мы с малышом тихо-мирно выйдем отсюда и прогуляемся, пока я не потеряю тебя из виду.

Он сделал шаг к двери, увлекая за собой заложника. Тучко двинулся следом. Персефоний не выдержал и крикнул:

— Хмурий Несмеянович, там еще эльф и гн...

Он не договорил: Торкес сдавил ему горло.

— Да знаю, — проворчал Тучко. — Навязался ты на мою голову, ничего по уму сделать не можешь. Смотришь — и то не видишь. Или все-таки видишь? — явно со значением спросил он.

— Ничего он не видит! — оборвал Торкес. — Ты давай без шуточек, бригадир, у меня силы хватит, голыми руками так отделаю малыша, что потом хоть купай в крови — не склеится.

Однако Персефоний понял, что видит. Произнося последние слова, Хмурий Несмеянович едва заметно качнул

нож — нож был знакомый, заговоренный. Это им Жмур едва не оборвал жизнь Персефония прошлой ночью. Только как он собирается воспользоваться этим оружием? Хоть он и опытен, но в ловкости, безусловно, уступит столетнему упырю!

А Хмурий Несмеянович все смотрел вопросительно, и Персефоний вдруг понял, чего тот хочет от него.

«Нет, нет, я не смогу!» — всколыхнулась в мозгу испуганная мысль. Да и зачем рисковать? Руки Торкеса лежали так, чтобы одним движением свернуть ему шею. А это крайне неприятное и очень опасное для упыря повреждение. Гораздо проще сделать так, как велит Торкес: выйти с ним, отдалиться и...

И умереть, понял Персефоний. Торкес его не отпустит. Он может сколько угодно насмеяться над «малышком», но ведь принял же молодого противника в расчет — и отнесся достаточно серьезно, чтобы, оставив троих товарищей на улице, проследить за Персефонием, пройти огородами и появиться через заднюю дверь — как выяснилось, с роковым опозданием. И на будущее подстрахуется — не нужно ему, чтобы у Тучко был даже такой никчемный помощник.

Торкес вывел его в коридор. Еще шаг, и они покинут полосу лунного света, станут невидимы для Тучко, а если тот выйдет вслед за ними, за спиной у него могут оказаться эльф и гном, которым Торкес наверняка напомнил, куда и зачем они пришли.

Персефоний не мог кивнуть, но постарался выразить взглядом: давай.

Хмурий Несмеянович сделал еще шаг и плавным движением бросил ему нож. Персефоний перехватил оружие в воздухе...

Тотчас шея его хрустнула, он увидел краем глаза искаженное ненавистью лицо противника, но остановить движение было уже нельзя: Персефоний ударил ножом за спину, лезвие глубоко вошло в Торкеса. Оба упыря упали на пол, и тотчас коридор озарили одна за другой две белые вспышки. Послышался чей-то крик, но Персефоний уже

ничего не замечал — дикая боль пронзила каждую клетку его тела, и не было ей ни конца ни края. Каждое мгновение длилось вечно и было наполнено невыносимым страданием, вне которого не существовало ничего.

Вдруг словно молния пронзила его — и лишь спустя некоторое время Персефоний осознал, что это была не новая боль, а избавление от прежней.

Шея ныла, и боязно было шевельнуть ею, но голова вновь сидела прямо. Перед глазами плясали пятна, а между ними плыло лицо Хмурия Несмеяновича.

— Везунчик ты, сынок, — завибрировал в мозгу его голос. — На-ка, хлебни.

Губы ощутили прохладу стекла, ноздри щекотнул манящий аромат исходившей паром жизни. Персефоний жадно припал к стакану и осушил его, содрогаясь от всплесков боли при каждом глотке. Ему тут же стало легче. Шевелиться после перенесенной муки не хотелось, однако взор прояснился, и он начал вспоминать, что произошло.

— А где... — прохрипел он.

— Молчи, — посоветовал Хмурий Несмеянович. — Не знаю, как вам, упырям, удастся все это перенести, но голосовые связки у тебя восстановятся в лучшем случае завтра, когда отоспишься. Может, тебе еще стаканчик нацедить?

Персефоний вскинул брови.

— Или это опять незаконно? — спросил Тучко. — Смотри сам, я слышал, что вашей братии для исцеления много крови нужно.

— Только не... ценой убийства... — выдавил из себя Персефоний.

— Да жив он, жив! Почти все живы. Людей я парализовал, лешака оглушил, эльф с гномом сами удрали. Люди теперь связанные лежат, и уж по стакану с каждого из этих идиотов ты имеешь полное право требовать. Да, в общем, что тебя слушать? — рассердился он вдруг и удалился в комнату, откуда вскоре вернулся с полным стаканом, который поставил на пол около Персефония. — Захочешь — выпьешь, нет — пускай сворачивается.